
**«РАВНЫЙ ТРУД – РАВНАЯ ОПЛАТА...»:
МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ШКОЛЬНЫХ УЧИТЕЛЕЙ
В 1940–1960-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО УРАЛА)**

Р.З. Алмаев

Кафедра отечественной истории
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ул. Октябрьской революции, 55а, Уфа, Россия, 450000

Статья посвящена анализу жизненного уровня учителей страны и Южного Урала. Исследуются государственная политика и возможности централизованного управления в решении социально-бытовых вопросов школьных учителей. Автор на архивных материалах рассматривает особенности бытовой повседневной жизни советского учительства в годы Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия.

Ключевые слова: учитель, общеобразовательная школа, материальное положение, социальный статус, классные чины, ЦК ВКП(б), заработная плата, проблемы снабжения, повседневность.

Высокий материальный и социальный статус учителя важен для обеспечения стратегической роли образования в общественном движении, его опережающего развития по отношению к потребностям отечественной экономики. От осуществления учителем образовательного, воспитательного процесса зависит интеллектуальное и духовное будущее страны. Поскольку в современных условиях отсутствует адекватная оценка учительского труда со стороны государства, это повышает актуальность данной темы исследования.

В последние годы заметно усилился интерес ученых к изучению бытовой и производственной повседневной жизни советской интеллигенции, «человеческому фактору» в истории. Однако следует признать, что к настоящему времени социальная политика по отношению к учительству еще не раскрыта в трудах исследователей во всей ее противоречивости, неоднозначности. Материальное положение учителей изучено весьма поверхностно и нуждается в более глубоком осмыслении, как на региональном, так и на общероссийском уровне, с привлечением новых архивных документов.

Соответственно, важно выяснить, могли ли принимаемые государством нормативно-правовые акты этого исторического периода обеспечить реализацию основных социальных прав учителей, их благосостояние и достойный уровень жизни? Насколько учительская профессия была престижной, а положение в обществе – устойчивым и стабильным? Какими возможностями обладала централизованная система управления в регулировании социально-

бытовых проблем школьных учителей? Как школьные преподаватели реагировали на решения и действия местных властей?

В годы войны и первые послевоенные десятилетия учительство, как и многие другие слои населения, переживало серьезные материально-бытовые трудности. Еще в июле 1941 г. в стране вводится карточная система.

Население страны было разделено по признаку общественной полезности по 4 группам: рабочие, служащие, иждивенцы, дети до 12 лет. В ходе войны к категории рабочих были причислены работники науки, искусства и литературы, студенты.

Преимущества в снабжении получали работники приоритетных отраслей – оборонной и тяжелой промышленности. Нормы снабжения по различным категориям колебались: от 200 до 1000 г хлеба в день, от 200 до 4500 г мяса/рыбы, от 150 до 1000 г жиров, от 200 до 600 г сахара и кондитерских изделий в месяц (1).

Учителя, преподаватели вузов, техникумов, училищ, как и другие представители непродовольственной сферы, сталкивались с нарушениями в порядке выдачи заработной платы, обеспечении продовольственными и промышленными товарами. К сожалению, по имеющимся в нашем распоряжении данным невозможно составить общее представление об оплате труда бюджетников в годы войны. Не проводился специальный анализ и в современных публикациях. Лишь отдельные авторы фрагментарно останавливались на этой проблеме. В частности, А.В. Сыркин отметил, что зарплата учителей в 1941–1943 гг. была значительно ниже, чем у врачей, инженеров, специалистов сельского хозяйства и других представителей интеллигенции (2).

Особенно тяжело приходилось учителям, вышедшим на пенсию. В городах им полагалось по 300 г хлеба, в сельской местности – 200 г в день. Другие продовольственные и промышленные товары они получали по социальной графе военных лет – «иждивенцы» (3).

Начиная с 1943 г. у государства появляется больше возможностей для оказания материальной помощи просвещенцам. Содержание социальной политики государства по отношению к школьным преподавателям в последующие годы охватывало несколько направлений: повышение заработной платы, обеспечение продовольственными и промышленными товарами, выделение индивидуальных участков под огороды в сельской местности и т.д.

Принимается ряд нормативно-правовых актов, направленных на поддержание уровня жизни школьных педагогов. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 августа 1943 г. на 50% повышается заработная плата учителей начальной и средней школы (4).

В январе 1943 г. выходит в свет приказ Народного комиссариата торговли СССР, в котором содержалось требование направлять продовольственные товары в сельских местностях в первую очередь для обеспечения учителей, врачей и агрономов. В августе 1943 г. публикуется распоряжение СНК СССР «О единовременном отпуске целевым назначением одежды,

обуви и других промышленных товаров для учителей» (5). Выполнение этих директив позволяло минимизировать бытовые проблемы этого тяжелого времени.

Однако следует отметить, что изменение материального положения учителей не носило радикального характера. На фоне роста налогов, высоких рыночных цен повышение номинальной зарплаты не означало серьезного улучшения их жизнеобеспечения. Торговые организации на местах не соблюдали многие распоряжения правительства. Республиканские и областные потребсоюзы, ссылаясь на постановление правительства о праве местных органов изменять нормы единовременных пайков, произвольно их снижали.

В условиях военной повседневности учителя Южного Урала продолжали испытывать трудности, связанные с обеспечением промышленными товарами, продовольствием и топливом.

Заслуженный учитель Российской Федерации Р.Х. Махмутова, проживавшая в Башкирии, вспоминает: «Зарплаты в 500 руб. не хватало, чтобы купить даже пуда картофеля. Его стоимость составляла 800–900 руб. Обязательными были подписки на государственные займы. В городах учителям полагалось по 500 г хлеба в день, на селе 8 кг ржаной муки в месяц, но эти порции выдавались не регулярно. По карточкам выдавали обувь, поллитру водки, которое меняли на «черном рынке» на масло. В памяти остался единственный случай выдачи платья» (6).

Многочисленные письма с жалобами поступали в отдел школ ЦК ВКП(б) со всех уголков страны. Учитель семилетней школы Белебеевского района Башкирской АССР с горечью писал: «Ношу лапти. Имею одну крайне ветхую верхнюю пару белья, которая за неимением ниток стянута мочалой. Разве я не имею права иметь хотя бы пару верхнего и нижнего белья и на зиму теплую обувь. Мне уже 60 лет» (7).

Также плохо обеспечивались городские учителя, особенно те, которые проживали в городах областного подчинения и рабочих поселках.

Отражение присутствующих в обществе настроений передает письмо секретаря Черногорского горкома ВКП(б) Красноярского края Черемушкина (инициалы в документе отсутствуют). В своем письме от 11 сентября 1944 г. он пишет: «Пора бы, наконец, поставить вопрос в правительстве об обеспечении учителей промышленными товарами, т.е. проще говоря, одеть и обуть их. В нашем городе работники угольной промышленности: инженеры, техники, начальники и их жены обеспечиваются промтоварами, пожалуй, лучше, чем в довоенное время, а учителя ходят в заштопанных старых платьях, без чулок, в рваных ботинках. Многие учителя, особенно молодые, всеми способами стараются уйти из системы народного образования и устроиться на другой работе» (8).

Одежда учителя в военные и в первые послевоенные годы ставила его в неловкое положение перед учащимися и родителями. Нередкими были слу-

чаи, когда дети высмеивали учителей и теряли к ним из-за их внешнего, часто нищенского вида, уважение (9).

В послевоенные годы учителя продолжали испытывать трудности в бытовой жизни. В отдел школ ЦК ВКП(б) поступали многочисленные сигналы с мест о плохом снабжении учителей продуктами и промышленными товарами.

В Сокмарском, Гавриловском и Екатерининском районах Чкаловской области учителям вместо хлеба или муки выдавали помятый овес по заниженной цене. Учителя Покровского района в течение трех месяцев получали немолотое зерно с примесью 10% зерновых отходов.

Проверкой Уполномоченных комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) неоднократно вскрывались факты разбазаривания и хищения товаров. Так, в Зиянчурином районе Чкаловской области из 23 пар валенок, предназначенных для продажи учителям, 10 приобрели работники районо, 1 платье и 9 платков – работники райпотребсоюза. Учителя Чкаловской области не получали в течение шести месяцев керосина и мыла (10).

Промышленными товарами учителя снабжались через кооперативную торговлю. В потребкооперацию промтовары в годы войны направлялись по целевым фондам. Целевые назначения имели наиболее стабильный характер только для партийно-советского актива. Потребности остальных категорий гражданского населения удовлетворялись по остаточному принципу (11).

Карточное распределение продуктов и товаров выражалось не только в дифференцированном принципе. Действительно лучше обеспечивались инженерно-технические работники, рабочие приоритетных для военных условий отраслей, представители партийно-государственной номенклатуры. Такая система порождала и многочисленные злоупотребления для личного присвоения и потребления. По отдельным случаям нарушений дела передавались в прокуратуру.

Недопустимая ситуация со снабжением учителей хлебом сложилась в Вознесенской семилетней школе Сосновского района Челябинской области. По вине облторготдела 16 учителей и технических работников Вознесенской школы в течение 30 дней января 1947 г. не получали карточек и не снабжались хлебом. Задержка с обеспечением хлебом вынудила некоторых из них «собрать хлебные куски у учеников школы» (12).

Доведенные до отчаяния формально-бюрократическим отношением чиновников учителя пошли на недопустимую для советского времени форму протеста – в течение трех дней не выходили на работу.

О социальной и материальной незащищенности сельских учителей после войны свидетельствует письмо учителей Новосельской неполной средней школы Саракташского района Чкаловской области от 30 декабря 1945 г.

Устав от замкнутого круга проблем, они написали коллективное письмо в редакцию газеты «Правда» под заголовком «Забывтая школа». «А как обеспечен школьный учитель, – писали учителя, – кроме 9 кг муки в месяц, наполовину просяной, учителя ничего не получают. Дрова не подвозятся. Лю-

бому рядовому рабочему совхоза легче получить подводу для поездки по служебным делам, нежели учителю. Учителям приходится идти в райцентр пешком, так как лошадей у школы нет. Директор совхоза снял со снабжения хлебным пайком четырех учителей, только за то, что учащиеся школы не были направлены для работы в распоряжение совхоза. Нас интересует, будет ли управа на таких бездушных людей, которые до сих пор не поняли роли и значения советской школы, советского учителя?» (13).

Многочисленные подобные факты имелись и в других регионах страны и Южного Урала в голодные 1946–1947 гг. Торговые организации на местах полностью не выполняли распоряжение министерства торговли от 28 апреля 1947 г. «О мерах по улучшению снабжения учителей», ссылаясь на отсутствие фондов. Областные и республиканские отделы народного образования добивались устранения несвоевременной выдачи хлебных карточек, замены хлеба недоброкачественной мукой.

Сложившаяся к концу 1930-х гг. административно-командная система создавала весьма серьезный диссонанс между централизованной системой управления образованием и несогласованностью между различными ведомствами, отсутствием эффективного контроля над выполнением законов, приказов, директив. Многие приказы, директивы и законы, касающиеся укрепления материальной базы общеобразовательных школ, материально-бытового положения учителей, не выполнялись финансовыми отделами ряда исполкомов и торгующими организациями на местах.

Злободневной для повседневной жизни городских учителей являлась жилищная проблема.

Как показывали проверки городских и районных комитетов партии, учителя ощущали большие затруднения с жильем. Многие учителя были вынуждены «снимать углы», ночевать в школьных помещениях, студенческих общежитиях, непригодных зданиях.

Например, проверка партийных органов в августе 1946 г. показала, что 69 учителей города Челябинска живут на подселении или в школе. Кроме того, в жилплощади нуждаются еще 54 молодых специалиста из числа окончивших педагогические училища. Учительница школы № 15 была вынуждена жить в бывшей конюшне (14). Такие условия не способствовали подготовке к учебным занятиям, семейной жизни.

В подобных ситуациях партийные органы обращались за помощью к крупным производственным предприятиям, которые по мере возможности закрепляли за учителями жилплощадь в ведомственных домах.

Заслуживают внимания попытки высших партийно-государственных органов власти кардинально повысить материально-бытовое положение учительских кадров. Еще в 1944 г. Отдел школ ЦК ВКП(б) рекомендовал изменить порядок снабжения учителей. На рассмотрение правительства вносился проект постановления об улучшении снабжения учителей сельской местности хлебом и некоторыми продуктами и промтоварами. Также в начале 1945 г.

предлагалось улучшить снабжение учителей, не работающих из-за старости или инвалидности, приравнять их в снабжении хлебом, продовольствием и промышленными товарами к учителям, работающим в школе (15).

Однако в переломный момент Великой Отечественной войны, когда разворачивались решающие сражения, специального постановления по учителям принято не было.

Особое место в этом процессе занимал вопрос о повышении социального статуса учителей. Он рассматривался сразу после завершения Великой Отечественной войны на уровне ЦК ВКП(б). Специальная комиссия ЦК ВКП(б) в 1946 г. изучила письмо Наркома просвещения РСФСР В. Потемкина, где предлагалось ввести классные чины и форменную одежду для работников народного образования (16).

При определении структуры классных чинов, указанных в предлагаемом проекте, отдел школ руководствовался положением о классных чинах работников Прокуратуры СССР, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 16 сентября 1943 г., и системой чинов, принятой в дореволюционной России.

Новые нормативы предусматривали одиннадцать классных чинов, в зависимости от занимаемой должности. Выпускникам педагогических училищ и учительских институтов предлагалось присваивать чин учителя третьего ранга 11 класса, педагогических институтов – учителя второго ранга 10 класса, университетов – учителя первого ранга 9 класса. Нарком просвещения РСФСР приравнивался бы к чину 1 класса Действительного государственного советника просвещения. Работники просвещения, прослужившие в одном классном чине установленный срок, при положительной аттестации могли продвинуться по служебной лестнице.

В проекте учителя образовательных школ имели возможность повысить свой чин до трех классов, Младшие Советники просвещения, Советники просвещения и Старшие Советники просвещения (директора школ, работники высшей школы, рай-(гор-)облоны, минпросов автономных республик) – до двух классов. Государственные советники просвещения третьего ранга (работники Наркомпроса РСФСР, ректора вузов, директора институтов совершенствования учителей и учительских институтов) могли бы получить последующее назначение на один чин выше (17).

Предусматривалось установление периодических надбавок к заработной плате, награждение учителей орденами и медалями за выслугу лет.

По мнению разработчиков проекта, введение новой системы классных чинов должно было способствовать росту авторитета, улучшению правового положения просвещенцев, стимулированию к систематической работе над повышением своей квалификации. Эти меры могли повысить ответственность за обучение и воспитание подрастающего поколения. Предполагалось укрепление государственной дисциплины при распределении и перемещении учителей и работников народного образования. Большие надежды воз-

лагались на то, что повышение статуса учителя позволит правильно подбирать и рационально закреплять педагогические кадры в системе народного образования.

Однако советское руководство отказалось от использования апробированной в дореволюционной России системы классных чинов. Совет министров СССР и отдел школ управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) посчитали нецелесообразным ставить вопрос о введении классных чинов для работников образования. Введение форменной одежды для учителей также было признано преждевременным (18).

Реальные шаги, направленные на повышение уровня жизни учительства, начинают предприниматься только начиная с 1948 г. Реализация политики всеобуча была трудноосуществима без улучшения материального положения и социальной защищенности учителей. Государство стремилось закрепить за учителями, в первую очередь за сельскими, льготы по оплате коммунальных услуг, предоставлению бесплатного жилья, обеспечению топливом, приусадебными земельными участками.

В основу решения учительских проблем был положен ряд нормативных актов правительства и министерства просвещения РСФСР: «О льготах и преимуществах для учителей начальных и семилетних школ» (от 18 февраля 1948 г.), «О распространении на учителей, директоров и заведующих учебной частью сельских средних школ действия постановления Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 г. “О льготах и преимуществах для учителей начальных и семилетних школ”» (от 8 сентября 1949 г.), «О предоставлении коммунальных услуг сельским учителям, проживающим в городах» (от 17 июля 1952 г.), «О приусадебных участках учителям, заведующим учебной частью, директорам (заведующим) начальных, семилетних и средних школ в сельской местности» (от 3 июля 1954 г.), «О строительстве жилых домов для учителей сельских школ за счет средств самообложения» (от 7 июня 1957 г.), «О строительстве жилых домов для учителей сельских школ в 1961–1965 гг.» (от 24 ноября 1960 г.) (19) и др.

Заметную роль в улучшении материально-бытового положения сельских учителей на ближайшие десятилетия сыграла партийно-государственная директива «О льготах и преимуществах для учителей начальных и семилетних школ» (1949 г.). На исполкомы райсовета, сельских и поселковых Советов, руководителей хозяйств возлагалась ответственность по заключению договоров на аренду квартир для учителей, выделению приусадебных земельных участков до 0,25 га на семью учителя, топливу, древесины из расчета 80–100 м³ на один дом, сенокосных угодий (20).

Местные органы власти принимали меры по созданию лучших условий жизни для сельских учителей.

В качестве положительного примера выделим целинные районы Чкаловской области. Освоение целинных земель в период хрущевской «оттепели» положительно сказалось на развитии социальной инфраструктуры. На

начало 1965 г. из 458 учителей Адамовского района всего лишь 15 проживало на частных квартирах. Многие учителя за счет долгосрочных ссуд построили для себя капитальные 2-х и 4-этажные дома (21). В домах, расположенных в райцентре, были установлены ванны, душ, газовые кухонные плиты.

Большое значение строительству квартир для учителей уделяли в Бугурусланском районе Чкаловской области. В течение 1963–1964 гг. было построено 30 индивидуальных квартир. За первую половину 1965 г. учителям выделили 11 тыс. руб. на строительство жилых домов и 600 руб. на покупку скота (22).

Льготы на бесплатное обеспечение топливом и освещением, на предоставление земельных участков и бесплатных квартир стали важным подспорьем в материальном обеспечении учителей. Однако по вине или нерасторопности местных органов власти постановление правительства СССР «О льготах и преимуществах для учителей начальных и семилетних школ» (от 18 февраля 1948 г.) выполнялось не повсеместно и несвоевременно (23).

Проверки жилищно-бытовых условий учителей в сельских районах Южного Урала в конце 1950 – начале 1960-х гг. выявили многочисленные факты грубейших нарушений. Часто сельские советы ограничивались выдачей учителям денег ниже фактической стоимости коммунальных услуг. Наблюдалась ситуация, когда договоры на аренду квартир у частных лиц заключались не исполкомами сельских, поселковых Советов и директорами школ, как это устанавливалось постановлениями правительства, а самими учителями.

Более 6 тыс. учителей сельских школ Башкирии по данным на весну 1962 г. не имели квартир и были вынуждены арендовать жилье в частных домах. Во многих районах учителям, проживающим в арендованных квартирах, не оплачивалась их действительная стоимость. Учителя были вынуждены доплачивать из собственных средств от 2 до 6 руб. ежемесячно (24). Многие квартиры и школьные дома, где проживали учителя, не ремонтировались и пришли в ветхое состояние.

Учителя отдельных школ Илишевского и Миякинского районов БАССР ко дню проверки не были обеспечены топливом, почти во всех районах преподавателям не выделялись сенокосные угодья. В Буртинском, Тоцком, Абдулинском, Медногорском и ряде других районов Чкаловской области учителям также не предоставлялось топливо. Им не выплачивалась стоимость электрического освещения, а возмещалась лишь стоимость керосина (25). Из большинства проверенных районов Курганской области поступили массовые жалобы учителей на плохую торговлю валяной обувью, на отказ выделять сенокосные угодья.

В условиях кризиса экономической политики Н.С. Хрущева ухудшилось обеспечение учителей продуктами питания – мукой, печеным хлебом и другими продовольственными товарами первой необходимости. Случаи плохого обеспечения райпотребсоюзами учителей хлебом имели место в Пе-

туховском и Шучанском районах Курганской области, Абдулинском и Пономаревском районах Чкаловской области (26).

Имелись случаи грубого администрирования со стороны исполкомов и отделов народного образования, руководителей районов и колхозов. Учителя назначались на дежурства, вызывались на различные совещания в учебное время. Например, председатель Бурзянского райисполкома БАССР Ишбердин дал указание о привлечении учителей к круглосуточному дежурству в сельских советах. В Куюргазинском районе учителям давали задание по выращиванию кукурузы, свеклы (27). Упомянутые факты наносили ущерб авторитету учителя перед населением и учащимися. Это порождало тенденцию текучести педагогических кадров, нежелание работать в сельской местности и миграцию в город, рабочие поселки и районные центры республики.

В первые послевоенные годы не только учителя, но и заведующие райгородно отрывались от своих прямых обязанностей на сельхозработы. Так, в течение первой четверти 1947/1948 учебного года заведующие районных отделов народного образования Курганской области В.П. Александров (Частозерский р-н), В.Б. Рассимович (Макушинский р-н), В.Р. Демиденко (Куртамышский р-н) выполняли обязанности уполномоченных (28).

Также встречались массовые случаи нарушений освобождения и перемещения учителей. Бюро Башкирского обкома КПСС своим постановлением «О фактах нарушения установленного порядка подбора и расстановки учительских кадров» (от 27 февраля 1956 г.) поручило министру просвещения БАССР Ф.Х. Мустафиной лично разобраться с подбором и расстановкой кадров в Альшеевском районе. Только в первом полугодии 1955/1956 учебного года Альшеевским отделом народного образования было уволено с работы 30, вновь принято 55 и переведено из одной школы в другую 20 учителей (29).

Бюро Курганского обкома КПСС 11 апреля 1958 г. принимает решение, предусматривающее принятие ряда мер, направленных на закрепление и установление порядка в подборе педагогических кадров. В Курганской области за короткий срок внутри области было перемещено 1300 учителей (30).

Заметим, что областные и республиканские органы исполнительной власти Южного Урала обязывали райисполкомы, сельские и поселковые Советы поддерживать на должном уровне повседневную жизнь сельского учителя. Выносились многочисленные постановления о поощрении индивидуального жилищного строительства за счет ссуд, выдаваемых Госбанком и на основе личных сбережений педагогов, о помощи строительными материалами, строгом соблюдении трудового законодательства и недопустимости отвлечения учителей на несвойственные для них работы. Особое внимание обращалось на бесперебойное обеспечение учителей печеным хлебом, мукой и другими продовольственными товарами. Руководителям колхозов и совхозов рекомендовалась продажа педагогам корма для скота.

В послевоенные десятилетия дважды повышается заработная плата учителей общеобразовательных школ. Система оплаты труда меняется в 1948 и

1964 г. 10 февраля 1948 г. принимается постановление Совета Министров РСФСР и ЦК ВКП(б) «О повышении заработной платы и пенсий учителям начальных, семилетних и средних школ». Размер оплаты труда школьных преподавателей зависел от наличия соответствующего образования, педагогического стажа, работы в городской или сельской школе. После повышения 1948 г. зарплата учителя начальных классов составляла от 575 до 635, V–VII классов – от 660 до 735, VIII–X классов – от 690 до 765 руб. (31).

На наш взгляд, рост оплаты труда на 15% незначительно повлиял на улучшение материального благосостояния педагогов. При среднем размере заработной платы в стране около 500 руб. в месяц учителя продолжали относиться к числу малооплачиваемых категорий населения. После денежной реформы 1947 г. новые цены по большей части превышали старые. Многие товары первой необходимости оказывались недоступными для широких учительских масс. Например, костюм мужской (двойка) стоил 450, полуботинки мужские (1 пара) – 288, патефон – 900, часы наручные – 900 руб. В промтоварных магазинах раскупалась в основном резиновая обувь, особенно галоши. Дорогими по цене были деликатесные продукты, в число которых входила не только икра, но и рыба, колбасы, ветчина (32).

Архивные документы свидетельствуют о значительном снижении размера заработной платы учителей V–X классов в середине 1950-х гг. (33). Причиной диспропорций в оплате труда стали серьезные статистические просчеты Министерства просвещения и Госплана РСФСР в планировании, подготовке и использовании учительских кадров.

В связи с демографическим кризисом военных лет школы оказались перенасыщенными учителями I–VII классов. Возникали трудности в распределении фонда заработной платы.

В большинстве случаев распределение ставок в семилетних школах происходило не по принципу соответствия полученной специальности и профессионализма учителя, а исходя из необходимости равномерного распределения учебной нагрузки. Стремление директоров школ любой ценой сохранить педагогические кадры негативно сказывалось на учебном процессе школ.

Особо тревожная ситуация в постановке преподавания наблюдалась в сельских семилетних и средних школах. Учителя, получившие узкую специальность в педагогическом учебном заведении, в огромной своей массе были вынуждены преподавать еще два, а иногда и три предмета.

Резкое снижение заработной платы учителей поставило многих из них в тяжелое материальное положение, вызывало у части из них нездоровые настроения, снижало значимость учительской профессии.

Бытовую повседневную жизнь учительства отражают так называемые «письма во власть». Они отправлялись в высшие партийные инстанции, редакции газет и журналов.

Особого отношения заслуживают письма в центральные педагогические издания – «Учительскую газету», журналы «Народное образование», «Совет-

ская педагогика». Только с начала сентября 1959 г. по конец января 1960 г. редакция «Учительской газеты» получила около тысячи писем, преимущественно касающихся жилищно-бытовых условий, вопросов труда и заработной платы.

Просьбы об оказании помощи по социальной защите педагогов приходили со всех уголков Советского Союза.

О тяжелых жилищных условиях учителей столицы Казахстана сообщали члены совета пенсионеров города Алма-Аты. Городские учителя за проживание на частных квартирах платили от 200 до 300 руб. При этом недельная нагрузка многих из них составляла 12 ч. Учительница-пенсионерка А.В. Руднева платила за частное полуподвальное помещение 150 руб., получая пенсию 382 руб. Учитель школы № 25, секретарь парторганизации П.М. Антоненко с семьей из 4 чел. занимал комнату 12 кв. м. Для подготовки к урокам ему приходилось ждать, когда соседи освободят кухню и дети выполнят домашние задания (34).

Нередко учителям, не имеющим полной нагрузки, не предоставляли льготы по коммунальным услугам. Вот что писала по этому поводу А.А. Петрова, учительница из уральского поселка Картушиха Свердловской области: «Небольшая недельная нагрузка не вина учителя, а его беда. Стоит ли ущемлять его права, лишая коммунальных услуг» (35).

О трудностях в работе учителей сельских школ, низкой заработной плате жаловался К. Машкин из села Караван Харьковской области Украинской ССР. «550 руб., которые получает сельский учитель в месяц, – писал он, – еле хватает на хлеб и чай» (36).

В своих письмах педагогические работники ставили вопрос о том, чтобы предприятия-шефы помогали школам не только в укреплении учебно-материальной базы, но и предоставляли учителям квартиры в домах предприятий.

Учителя высказывали замечания по поводу несовершенной системы оплаты педагогического труда. Многим было непонятно, почему учителя начальных классов, имея недельную нагрузку в 24 ч, получают меньший оклад, чем преподаватели старших классов за 18 ч.

Большая группа учителей просила сократить количество часов на ставку учителям русского языка и математики. Очень характерно письмо учительниц Георгиевской школы Костромской области: «Мы очень просили бы вас помощь в разгрузке учителя. Дело в том, что учителя русского языка получают обычно равную зарплату, а работают больше всех. Мы являемся классными руководителями, отвечаем за выпуск стенной печати, проверяем документацию, оформление, проводим литературные вечера, читательские конференции. Но главная тяжесть – проверка тетрадей. Мы совершенно не имеем свободного времени. В течение четверти учитель, работающий в трех классах, проводит не менее 12 контрольных работ. Систематически проверяет домашние работы, организует дополнительную работу с отстающими учениками. Если честно все это делать, то надо забыть семью, своих детей, отдых. Из-за этой перегрузки мы не всегда успеваем следить за новинками

литературы. Не имеем возможности систематически посещать кино. Давно ставится вопрос о том, чтобы дать учителю русского языка нагрузку 12 ч с полной ставкой, но почему-то до сих пор не разрешается» (37).

Авторы писем в редакцию «Учительской газеты» высказывали несогласие по поводу пониженной зарплаты учителей пения, рисования, труда, физкультуры. Они считали, что тем самым нарушается главный принцип социализма: за равный труд – равная оплата труда (38).

Таким образом, учителя стремились добиться повышения своего жизненного уровня, в соответствии с общественной значимостью педагогического труда.

Этот способ отстаивания учителями своих интересов имел институализированный механизм реализации. Государственные органы на разных уровнях партийной и советской власти принимали по жалобам, запросам и предложениям граждан соответствующие решения.

Судя по архивным документам, большинство вопросов, поставленных авторами писем, обсуждались в Отделе науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР, на совещании секретарей и заведующих отделами обкомов и крайкомов КПСС. В условиях неустойчивого социально-экономического развития страны предложения о дополнительном финансировании сферы школьного образования (о повышении зарплаты учителям начальных классов, об уменьшении учебной нагрузки учителям математики и русского языка) оказались невыполнимыми. Некоторые пожелания педагогов были учтены при подготовке и проведении Всероссийского съезда учителей.

Дифференциация в оплате труда среди учителей различных дисциплин негативно сказывалась на составе учительских кадров. Особенно диспропорции в оплате стали ощутимы в ходе реализации реформы общеобразовательной школы 1958 г. Учителя труда, машиноведения, электротехники получали более низкую заработную плату. Поэтому школы испытывали недостаток учителей этого профиля.

Один из делегатов съезда учителей Челябинской области по политехническому обучению (7 декабря 1959 г.) концентрировал внимание ее участников на недостатках централизованной системы управления образованием. По его мнению, это негибкость, игнорирование специфики труда учителя, научного планирования. Он посетовал на следующие казусы: «Я учитель истории. Окончил Челябинский учительский институт. Пока вел уроки истории, получал оклад в размере 710 руб., а как согласился на уроки труда, оплата составила 600 руб. Вот тебе и важность труда. Далее. Учитель по труду должен идти на пенсию. Так в графе собеса нет такого учителя. О проверке тетрадей. Видимо товарищи, которые составляют штаты, планируют, они недооценивают этот вид учительского труда. Ведь это насмешка – 50 руб. за проверку тетрадей. Это 90 тетрадей каждый день, так как учитель ведет по три, четыре класса» (39). По подсчетам самих учителей на проверку тетрадей они ежедневно затрачивали 360–400 мин.

Данные источники убеждают в том, что реформа школы 1958 г. проводилась поспешно. Чувствуется некомпетентность ее организаторов в вопросах финансирования учительского труда.

Очередной Закон о повышении заработной платы работникам просвещения был принят 15 июля 1964 г. Оплата труда в среднем возросла на 25%. Новая система оплаты труда устранила некоторые отличия в заработной плате различных категорий учителей.

До принятия Закона 1964 г. учителя начальных классов с высшим образованием незаслуженно получали такую же оплату, как и учителя со средним специальным образованием. Это приводило к потере кадров в начальном звене. Наиболее квалифицированные педагоги переходили преподавать в старшие классы. Преподаватели общеобразовательных предметов в техникумах и профессионально-технических училищах получали за свой труд меньше, чем в средней школе. Ставки заработной платы сельских учителей были ниже, чем у городских коллег. Новый Закон устанавливал ставки заработной платы в одинаковых размерах, в зависимости от образования и стажа педагогической работы.

Повышение заработной платы, проведенное после денежной реформы 1961 г., в условиях продовольственного кризиса серьезно не повлияло на благосостояние советского учителя. По-прежнему реальная заработная плата оставалась невысокой, позволяющей удовлетворять только минимальные потребности в питании и одежде.

Таким образом, в рассматриваемый период произошли определенные изменения в материальном положении учителей Южного Урала. Руководство страны после завершения Великой Отечественной войны начинает уделять больше внимания нормативно-правовому регулированию образования, повышению профессионального и общественного статуса учительской профессии. Во многом это было связано с масштабами и темпами распространения школьного образования, проводимыми реформами. Директивные документы 1948–1965 гг. улучшили, прежде всего, условия быта сельских учителей.

Вместе с тем советское руководство недостаточно понимало специфику учительского труда, недооценивало социальную значимость учителя в эпоху научно-технической революции. Подобное отношение к учительской профессии в условиях остаточного финансирования социальной сферы не могло не сказаться на его невысоком месте в советской «иерархии потребления». Также учителя не имели достаточных гарантий против произвольных действий местных властей, затрагивающих их профессиональное и бытовое положение.

Важно отметить, что сохранение материально-бытовых трудностей после войны не снизило престижности учительской профессии, особенно на селе. В самом же обществе существовало особое почтительное отношение к учителю. Ценились профессиональные, организаторские способности, умение формировать личность, интеллект, эрудиция, высокая нравственность и бескорыстие школьного учителя. Для значительной части партийно-государ-

ственных работников региона именно учительская профессия оказалась определяющим социальным лифтом в их жизни.

Особенность реализации социальной политики государства заключалась в том, что многочисленные директивы, постановления, распоряжения, закрепляющие льготы и преимущества для учителей общеобразовательных школ, не всегда выполнялись. Основным недостатком централизованной системы управления являлась ее негибкость, высокая степень властных полномочий на местном уровне. Государственные функции контроля не были достаточно эффективными. Объективные трудности военных лет и первых послевоенных десятилетий часто сопровождались бюрократизмом, нерасторопностью, а иногда и злоупотреблениями организаций, отвечающих за снабжение учителей.

Практические действия центральной и местной власти находили обратную реакцию в «письмах во власть». В системе школьного образования существовала высокая текучесть педагогических кадров. Основные принципы и содержание образовательного законодательства, учитывающие специфику учительского труда, материальное положение, вызревали и эволюционировали на протяжении всего советского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск, 1995. – С. 85.
- (2) *Храмкова Е.Л.* Общеобразовательная школа России 1941–1945 гг. в новейшей отечественной историографии // Исторические исследования: сборник научных трудов. – Самара, 2004. – Вып. 5. – С. 41.
- (3) Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 126. – Д. 20. – Л. 86.
- (4) *Алмаев Р.З.* Школьное образование в Башкирской АССР: история, достижения, традиции. – Уфа, 2008. – С. 97.
- (5) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 126. – Д. 13. – Л. 8.
- (6) *Алмаев Р.З.* Школьное образование... – С. 97.
- (7) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 126. – Д. 13. – Л. 115.
- (8) Там же. – Л. 115.
- (9) Там же. – Л. 116.
- (10) Там же. – Д. 13. – Л. 28.
- (11) *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале... – С. 92.
- (12) Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. 288. – Оп. 11. – Д. 276. – Л. 77.
- (13) Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). – Ф. 371. – Оп. 10. – Д. 604. – Л. 14.
- (14) ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 242. – Л. 17.
- (15) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 126. – Д. 20. – Л. 87.
- (16) Там же. – Д. 21. – Л. 172.
- (17) Там же. – Л. 173.
- (18) Там же. – Л. 176.

- (19) Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник док-тов. 1917–1973 гг. – М., 1974. – С. 463–465, 472.
- (20) Там же. – С. 464.
- (21) ЦДНИОО. – Ф. 8032. – Оп. 2. – Д. 329. – Л. 2.
- (22) Там же. – Л. 22.
- (23) Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). – Ф. 798. – Оп. 9. – Д. 3730. – Л. 54.
- (24) Там же. – Л. 56.
- (25) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 2306. – Оп. 72. – Д. 7074. – Л. 38.
- (26) Там же. – Л. 29; ЦДНИОО. – Ф. 8032. – Оп. 2. – Д. 222. – Л. 38.
- (27) ЦГИА РБ. – Ф. 798. – Оп. 9. – Д. 3730. – Л. 42.
- (28) Государственный архив Курганской области (ГАКО). – Ф. 1606. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 76.
- (29) Центральный государственный архив общественных объединений (ЦГАОО РБ). – Ф. 122. – Оп. 33. – Д. 51. – Л. 17.
- (30) ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 72. – Д. 7074. – Л. 29.
- (31) ЦГИА РБ. – Ф. 798. – Оп. 9. – Д. 166. – Л. 16.
- (32) *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. – М., 2007. – С. 98.
- (33) РГАСПИ. – Ф. 556. – Оп. 16. – Д. 35. – Л. 17.
- (34) Там же. – Д. 79. – Л. 63.
- (35) Там же. – Л. 65.
- (36) Там же. – Л. 69.
- (37) Там же. – Л. 66.
- (38) Там же. – Л. 68.
- (39) ОГАЧО. – Ф. 1000. – Оп. 1. – Д. 2118. – Л. 61.

**«EQUAL SALARY FOR EQUAL WORK»:
FINANCIAL POSITION OF TEACHERS IN 1940–1950s
(ON MATERIALS OF SOUTHERN URALS)**

R.Z. Almaev

Department of Russian History
M. Akmulla State Pedagogical University of Bashkiriya
Oktyabrskoi Revolutsii Str., 55a, Ufa, Bashkortostan, Russia, 450000

The article is devoted to the analysis of teachers' living standards in the Soviet Union and the Southern Urals in particular. The author analyzes the state policy and opportunities of the centralized government for solving social and everyday problems of school teachers. Archival sources help the author to study everyday life of Soviet teachers during the Great Patriotic War and the post-war decades.

Key words: teacher, secondary school, financial position, social standing, rank, Central Committee of all-Russia Communist Party (Bolsheviks), salary, problems of supplying, everyday life.